Тамара Грум-Гржимайло

ЗВУКИ СТРУЯЩЕГОСЯ СВЕТА

Земное и небесное в «Реквиеме» Вячеслава Артёмова, исполненном 7 ноября в Большом зале консерватории

Независимая газета. – 1998. – 20 нояб. – с. 15

УСТРЕМЛЯЯ «карамзинский» взгляд в историю государства Российского, Александр Исаевич Солженицын писал: *«В дальнем прошлом (до XVII века) Россия так богата была движениями покаяния, что оно выступало среди ведущих русских национальных черт. В XX веке благодатные дожди раскаяния уже не смягчали закалевшей русской почвы, выжженной учениями ненависти»*.

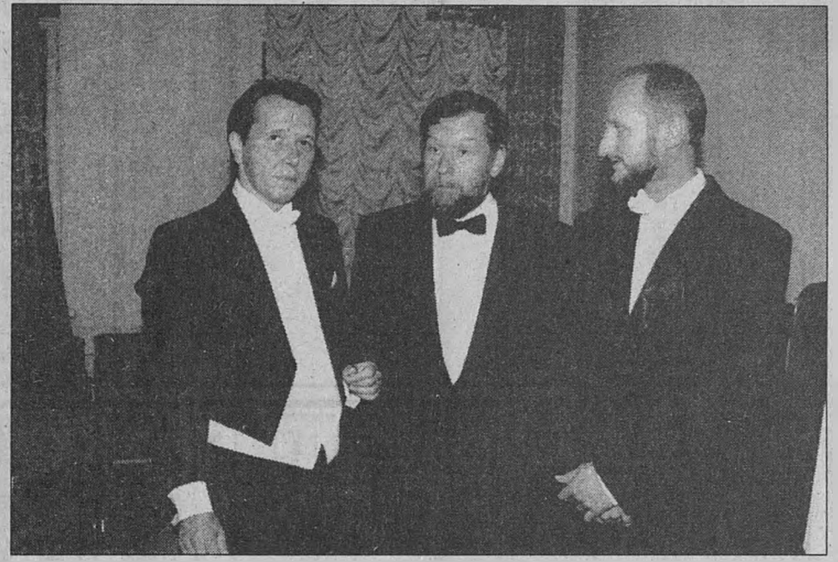
Правота писателя подтверждается всей новейшей историей посткоммунистической России. Но и во тьме брезжит свет.

Композитор **Вячеслав Артёмов** своим **«Реквиемом»** – этой полуторачасовой, космического дыхания покаянной молитвой, в сущности, возвращает краски на потухшее лицо. Вот уже десять лет (со времени первого воссоздания этой гигантской партитуры в ноябре 1988 года в столичном Концертном зале имени Чайковского, где 250 исполнителей по воле автора, переданной дирижеру Дмитрию Китаенко, стремились преодолеть вековую трагедию русской «богооставленности») «Реквием» Вячеслава Артёмова остается единственным музыкальным символом покаяния перед живыми и мертвыми мучениками России. Увы, не покаяния от лица государства и всего общества. И старый, и новый режимы с неизживаемым страхом и подозрительностью относились (и относятся!) к каждому новому воспроизведению «Реквиема». И потому участие в каждом таком событии — и для исполнителей, и для слушателей, и для всех причастных к нему – становится актом нравственного порядка.

На сей раз такой акт совершил **Михаил Плетнев**. А вся акция в Большом зале Московской консерватории под названием «День поминовения мучеников многострадальной России» (приуроченная ко «Дню согласия и примирения» 7 ноября) проводилась при поддержке партии «Демократический выбор России», общества «Мемориал» и ряда демократических СМИ. И потому у «алтаря» Храма Музыки мелькали хорошо знакомые лица «молодых реформаторов» – Анатолия Чубайса, Бориса Немцова, Александра Починка, Ирины Хакамады, Александра Шохина и иже с ними, а вступительное слово к концерту Егора Гайдара изобиловало политическими сентенциями, включая постановку вопроса о запрещении компартии, дабы «нацизм не стал в России чумой XXI века»...

И, как на всех политических собраниях, память жертв тоталитаризма было предложено почтить вставанием...

В зале. Александр Починок, Борис Немцов и Евгений Ясин. Фото Андрея Никольского (НГ-фото)



Слева направо: Михаил Плетнев, Вячеслав Артёмов и первая скрипка Алексей Брюни. Фото Эдуарда Левина

Бесспорно, этот накал чувств противостояния оказал влияние на главную интонацию исполнения. Идея покаяния и искупления, страстная жажда спасения и просветления, прорастающая миллиардами стонущих, скорбных интонаций классического «Lamento» (падающей секунды «вздоха-стона»), составляющих огромные цепи молитв, пышные кроны «деревьев», устремленных в Космос, – все это как бы отступило перед образами страшных земных страданий, изобличений темных «карательных» сил, картин Страшного Суда. Дирижеру Михаилу Плетневу и его великолепному Российскому национальному оркестру в ансамбле с Каунасским государственным хором **Пятраса Бингялиса** (неизменным участником всех исполнений «Реквиема») более всего удались апокалиптические картины, неизбежно ассоциирующиеся с трагической судьбой России в XX веке. Эти громады звуковых кульминаций, образы «бичевания» огромных масс, низринутых в пучину мук и отчаяния (резкие скандирования хора в такт страшным «сейсмическим» ударам оркестра), вселенская жуть темных сил, удвоенная исполнительской экспрессией в огромных пластах вокально-симфонической музыки Kyrie eleison, Dies irae, Confutatis, включая последнее экстатическое неистовство в Libera me, перед идиллическими картинами слияния с вечностью (In Paradisum), – вот что прежде всего врезается в память слушателя. Тем более – неискушенного. Впрочем, Артёмов создал музыку «равно докладную и знатокам, и любителям», как мечтал и говорил Михаил Глинка.

Но даже и в созерцательных, идиллических картинах «Реквиема», к примеру в восьмом номере Domine Jesu («Господи Иисусе Христе»), где звучит тихий хорал в стиле русских православных песнопений (так напоминающий финальные такты «Пиковой дамы» Чайковского), на первый план выходят диссонантные, ярко-экспрессивные вторжения «бдительного» оркестра – визгливыми аккордами деревянных духовых. Впрочем, контраст подобной исполнительской экспрессии – неизбежный в рамках «поликонфессионального» образа – автор должен был предполагать.

А в десятом номере Sanctus, как и год назад (в исполнении «Реквиема» под управлением Вирко Балея 7 ноября 1997-го), голос младенца (мальчика-солиста), поющего о святости, был заменен голосами двух девочек, стоящих рядом с дирижером (а не в вышине зала, как в незабвенной премьере с Китаенко). И звук утратил свою возвышенную бесплотность и светоносность.

Как отмечали исследователи творчества Артёмова, композитор владеет тайной создания звуковых образов «струящегося света». Звук, словно теряя свою материальную сущность, становится светом. *«Насыщенный аккорд не просто подобен вибрирующему телу, от которого исходят излучения,* – писал Михаил Тараканов, – *он словно дематериализуется, теряя вещественную плотность»*. Музыкант тончайшего тембрального слуха, Михаил Плетнев добивается таких чудес в своем оркестре. И в дивном финальном фрагменте «Osanna» из Sanctusa, где в картине разрастающегося солнечного сияния восстает идеальный образ «лучшего мира», своеобразного Китеж-града, и в прозрачном кружевном образе Agnus Dei, где флейты, скрипки, колокола, орган в своих восходящих пробегах к крайне высоким регистрам создают полное впечатление струящихся потоков света, согревающих душу неземной теплотой.

И хотя «земное» в данном прочтении «Реквиема» как бы доминировало над «небесным», лучший по «неземной» образности предпоследний номер Requiem aeternam («Вечный покой даруй им, Господи»), где мелодико-гармоническая фантазия композитора творит настоящие космические чудеса, а идея очищения и воскрешения (возрождения!) приобретает запредельно глубокое, таинственное звучание, – этот номер был исполнен с достойным чувством стиля, величественного и простого... Не случайно именно эта музыка звучала в памятный день учреждения общества «Мемориал», перед выступлением академика Сахарова, в романтические времена горбачевской Перестройки и зарождения Гласности.

В годы мировых премьер симфоний Вячеслава Артёмова под управлением Мстислава Ростроповича в Соединенных Штатах и Лондоне (1990–1993) зарубежная пресса писала, что музыку этого современного русского композитора, увлеченного поисками нового порядка духовных ценностей, нужно рассматривать одновременно как религиозную и романтическую. «И это одна из особенностей, которая делает музыку Артёмова столь пленительной» (из буклета «Барбикан-центра»). Стоит с этим согласиться. Здесь, кажется, все ясно.

Неясно другое. Будет ли возможно исполнение «Реквиема» в будущем? *Легальное исполнение*, в котором сомневаются многие демократы. Способен ли талантливейший музыкант – Вячеслав Артёмов – стать, действительно, «властителем дум», будучи вдохновлен романтическими и христианскими идеалами возрождения России?